

УДК 141

СООТНОШЕНИЕ РЕЧИ И ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

© И. В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович

кандидат философских наук
доцент кафедры философии
и истории

Самарский государственный
аэрокосмический университет
им. С. П. Королёва

e-mail: ilyadem83@yandex.ru

В статье проясняется соотношение феноменов речи и языка в контексте герменевтической феноменологии. Выявляется значение концептуального различения «языка» и «речи» для институционального самосознания современной постметафизической философии. Эксплицируется двухуровневая структура философии языка в контексте постметафизической герменевтически ориентированной философии: фундаментальная онтология имеет дело с речью как исходной и сущностной структурой понимающего бытия-в-мире; темой региональной онтологии является язык как среда (или «квазирегион»), которая делает возможной всякую интерпретацию.

Ключевые слова: язык, речь, философия языка, региональная онтология, фундаментальная онтология, Хайдеггер, герменевтическая феноменология.

Особый статус философии языка в идейно-философском контексте XX столетия обусловлен тем обстоятельством, что проблематика большинства наиболее влиятельных направлений современной философской рефлексии (аналитической философии, феноменологии, философской герменевтики, постструктурализма) формировалась под влиянием *лингвистического поворота*.

Принципиальное значение в ситуации лингвистического поворота приобретает вопрос о том, в какой степени и в каком смысле всякая философская дисциплина может быть *сведена* к философии языка или *выведена* из неё? Не будет преувеличением сказать, что этот вопрос является одним из ключевых для самопонимания философии в контексте современного пост-

метафизического мышления. Ответ на этот вопрос требует прояснения структуры философии языка как дисциплины, а путеводной нитью в деле такого прояснения должно стать различие категорий *речи* и *языка*.

Концептуальное различие речи и языка само по себе является общим местом теоретического языкознания. Однако трактовка *соотношения* этих феноменов может быть различной. При этом имеются основания полагать, что именно трактовка соотношения речи и языка в значительной степени определяет своеобразие той или иной конкретной версии философии языка.

Язык и речь различались уже основоположником современного теоретического языкознания В. фон Гумбольдтом: «Язык, как масса всего произведенного живую речью, не одно и то же, что самая речь эта в устах народа»¹. Язык как целое отличается Гумбольдтом от отдельных актов речевой деятельности и от речи как таковой. При таком подходе речь рассматривается как *источник содержания* языковых знаков и, в то же время, как их *конкретная реализация*. В контексте разработанной Гумбольдтом динамической концепции язык рассматривался как созидающий процесс или порождение (*Erzeugung*), как деятельность (*Tatigkeit*), как энергеия (*Energeia*)². В такой трактовке можно усмотреть прообраз хайдеггеровского различия *речи* и *языка*, коррелирующего с фундаментальным для герменевтической феноменологии различием *бытия* и *сущего* (язык как специфический род *сущего*, речь как *способ бытия*, присущий этому сущему).

Огромное влияние на языкознание и философию языка оказало концептуальное различие речи и языка, проведённое родоначальником структурной лингвистики Ф. де Соссюром. Под языком (*langue*) Соссюр понимает систему знаков и грамматических правил, речь (*parole*) же — это непосредственные акты говорения, зависящие от воли говорящего. Проясняя соотношение речи и языка, Соссюр использует следующую метафору: «Язык можно сравнить с симфонией, реальность которой не зависит от способа ее исполнения; ошибки, которые могут сделать исполняющие ее музыканты, никак не вредят этой реальности»³. Язык уподобляется симфонии, а речь — её конкретному исполнению. Эта метафора иллюстрирует *потенциальный* характер речи и *актуальный* характер языка в концепции Соссюра. Язык потенциален, он есть то, что может быть сказано, речь же актуальна, она представляет собой «реализацию» потенциальности, имеющихся в языке.

Аналогия с симфонией и её исполнением, однако, не вполне отражает суть концепции Соссюра. Эта аналогия предполагает, что содержание симфонии *не зависит* от конкретного её исполнения, представляет собой некий *инва-*

¹ Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. М. : Либроком, 2013. С. 58.

² Подробнее об этом см.: Рамшвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания // Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. М. : Прогресс, 1984. С. 23–24.

³ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 26.

риант. Соссюр, однако, полагает, что не только речь предполагает язык, «реализует» и актуализирует его, но и язык, в определённом смысле, зависит от речи. «Несомненно, оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку»⁴. Именно феноменами речи обусловлена, согласно Соссюру, эволюция языка. Язык одновременно является и *орудием* и *продуктом* речи⁵.

Несмотря на тесную взаимосвязь феноменов речи и языка, их взаимосотнесённость, Соссюр считал возможным говорить о *лингвистике речи* и *лингвистике языка* как самостоятельных и несводимых друг к другу дисциплинах. Именно это радикальное разделение и даже противопоставление речи и языка как объектов *разных* научных дисциплин стало главной мишенью для критики в постсоссюровской лингвистике и философии языка.

В отечественной традиции языкознания утвердилась точка зрения, согласно которой язык и речь — «не разные явления, а разные стороны одного явления»⁶. Язык рассматривался как такая сущность, способом существования и проявления которой является речь: «Язык как сущность находит свое проявление в речи. Язык познается путем анализа, речь — путем восприятия и понимания»⁷.

Общим для всех упомянутых трактовок соотношения языка и речи является то, что речь рассматривается, с одной стороны, как *форма проявления*, с другой стороны, как *источник эволюции*, изменения языка. Язык и речь при такой трактовке рассматриваются как принципиально *одноуровневые* феномены.

Обратимся теперь к трактовке соотношения этих понятий в контексте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера и Фр. фон Херрманна.

Тезис, который мы собираемся обосновать, заключается в следующем: различение языка (*Sprache*) и речи (*Rede*), проводимое Хайдеггером, предполагает специфическую *двухуровневую* модель философии языка: в горизонте герменевтической феноменологии язык обнаруживает себя как *нерегиональное* (в этом своём измерении он является темой *фундаментальной* онтологии) и как *региональное* или, точнее, *квазирегиональное*⁸ (в этом своём аспекте он становится темой философии языка как онтологии *региональной*⁹).

⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 26–27.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М. : Наука, 1976. С. 60.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Необходимость введения понятий «квазирегион» и «квазирегиональное» обосновывается в нашей монографии: Дёмин И. В. Философия истории как региональная онтология. Самара: Самар. гуманит. акад., 2012. С. 118–137.

⁹ Необходимость разграничения двух уровней философской рефлексии в горизонте постметафизического мышления — фундаментальной и региональной онтологии — обосновывается в нашей статье: Дёмин И. В., Таллер Р. И. Проблема соотношения фундаментальной и региональной онтологий в горизонте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 1(9). С. 182–189.

В «Бытии и времени» Хайдеггер ставит вопрос об экзистенциально-онтологическом фундаменте и/или сущности языка (*Sprache*). В качестве такового обнаруживает себя *речь* (*Rede*): «Экзистенциально-онтологический фундамент языка есть речь»¹⁰. *Речь* рассматривается Хайдеггером как первичный экзистенциал (наряду с «расположением» и «пониманием»), конститутивный для самого бытия-в-мире. Речь *нередуцируема* к какому-либо другому феномену.

Язык определяется Хайдеггером как «вовне-выговоренность» (*Hinausgesprochenheit*) речи и «словесная целостность» (*Wortganzheit*)¹¹. «Эта словесная целостность как та, в какой речь имеет свое “мирное” (*weltliches*) бытие, становится так обнаружима в качестве внутримирно сущего наподобие подручного. Язык может быть разбит на наличные слововещи (*vorhandene Wörterdinge*)»¹².

В приведённом фрагменте содержится указание на две значимые характеристики языка как предмета философского вопрошания:

- Язык определяется как *выговоренность речи* («вовне-выговоренность») и *словесная целостность* (здесь возможна аналогия с общераспространённым пониманием языка как «системы знаков»).

- В контексте экзистенциальной аналитики *Dasein* язык обнаруживается в качестве *подручного* сущего. Здесь можно провести параллель с господствующим в философии и науке пониманием языка как *средства* выражения и общения. Язык в определённом смысле действительно является *подручным средством*, но «подручное» у Хайдеггера означает нечто принципиально иное, нежели «находящееся в распоряжении преследующего свои цели субъекта». «Подручное» (*Zuhandene*) в контексте экзистенциальной аналитики *Dasein* противопоставляется «наличному» (*Vorhandene*) и относится к «досубъектному» уровню и измерению человеческого бытия¹³.

Рассматривая в контексте экзистенциальной аналитики речь как экзистенциал и основоструктуру бытия-в-мире, Хайдеггер, однако, ничего не говорит о *языке* как «вовне-выговоренности» и «словесной целостности». Мы намерены показать, что язык в указанном значении вообще не является темой *фундаментальной* онтологии. Это, впрочем, не означает, что язык как «словесная целостность» и «вовне-выговоренности» речи может быть адекватным образом тематизирован и концептуализирован в контексте лингвистики как позитивной науки. Здесь явно предполагается, просматривается некое *промежуточное* измерение — измерение *философии языка как региональной онтологии*, которая связывает, сопрягает фундаментальную онтологию с конкретными на-уками о языке.

¹⁰ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. С. 160.

¹¹ Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2001. S. 161.

¹² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 161.

¹³ Подробнее о соотношении этих двух феноменов в контексте хайдеггеровской философии см.: Демин И. В. Соотношение подручного и наличного в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2.1 (93). С. 5–11.

В работе Фр. фон Херрманна «Фундаментальная онтология языка» проясняются основные положения хайдеггеровской экзистенциальной аналитики речи. Само название книги Херрманна («*Фундаментальная онтология языка*») призвано подчеркнуть, что «вопрос о сущности языка ставится не в привычных границах одной из философских дисциплин, философии языка, а по ходу разработки универсального и вместе с тем фундаментального вопроса философии»¹⁴. «Фундаментальная онтология языка» — это не одна из *философских дисциплин* наряду с другими (философией истории, например), это, скорее, *аспект* экзистенциальной аналитики человеческого бытия как одной из стратегий постметафизического мышления.

Вопрос об экзистенциально-онтологической *сущности* языка представляет собой вопрос *фундаментально-онтологический*. Сущность языка обнаруживает себя как *речь, речение*. «Между речью и языком, — отмечает Херрманн, — имеются терминологические и содержательные различия. “Язык” — терминологическое обозначение для озвучения. “Речь” представляет собой экзистенциальную сущность озвучивающего языка»¹⁵.

Язык, о котором идёт речь в контексте фундаментально-онтологического вопрошания, язык, который опрашивается в аспекте его сущности и его экзистенциально-онтологических корней, не есть ни естественный (дотеоретический) язык повседневного общения, ни теоретический язык науки. Язык вообще не исчерпывается тем, что нам известно в качестве языка. «Озвучивающий язык имеет корни. <...> Озвучивающий язык подобен растению, которое со своим стеблем, своими цветами и листьями вырастает из почвы и зримо для каждого. Его корни скрываются почвой, на которой оно растёт»¹⁶.

Язык связан с озвучением, выражением, артикуляцией. Херрманн характеризует язык как «целостность озвучивающих слов и словосочетаний», которыми мы говорим и слышим и которые мы можем письменно фиксировать. Этот язык всегда уже нам *понятен*: «Он обнаруживает себя до того, как мы начинаем научно или философски о нем спрашивать. Однако его сущность <...> себя не показывает»¹⁷. Сущность языка, то есть экзистенциально-онтологическое *измерение речи*, «остаётся сокрытой и для всех лингвистических исследований»¹⁸. Поэтому фундаментально-онтологический вопрос о сущности языка не конкурирует с научной (лингвистической) тематизацией языка: «То, о чем он спрашивает, доступно исключительно философии как фундаментальной онтологии. Поэтому спрашивать о сокрытой сущности языка означает приводить искомую сущность языка из сокрытости к отчетливому себя-показыванию»¹⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что ни Хайдеггер, ни Херрманн не отрицают относительной правомерности традиционного («расхожего», *vulgäre*) по-

¹⁴ Херрманн Фр.-В. фон. Фундаментальная онтология языка / пер. с нем И. Н. Иннишева. Минск : ЕГУ : Пропилей, 2001. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 20.

нимания языка как «говорения» (артикуляции, *artikulierend*) и озвучения (соответственно, как целостности озвучивающих слов или языковых знаков), они лишь показывают, что такое понимание не схватывает сущностного (то есть *экзистенциально-онтологического*) измерения языка. Речь в данном случае идёт не о *традиционно-метафизической*, но об *экзистенциально-онтологической* сущности. Сущность как сущность *экзистенциально-онтологическая* – это не какое-то (высшее) сущее, «сверхсущее» (наподобие платоновской «идеи»), но самая *суть (Wesen)* или *бытие*.

Вслед за Хайдеггером, Херрманн различает «понимание» (*Verstehen*) и «истолкование» (*Auslegung*), соответственно, первичное членение *речи* или «речевое членение» (*redenden Gliedern*) и вторичное «истолковывающее членение» или *членение истолкования (Gliedern der Auslegung)*, «речь» и «говорение» (язык). Это различие принципиально неуловимо для наук о языке, оно обретается лишь в контексте фундаментальной онтологии.

Вторичное или производное понимание (*истолковывающее* понимание, истолкование, интерпретация) укоренено в первичном *понимании* (пред-понимании), которое всегда «сопровождается» речью, а точнее, всегда уже *есть* речь («речевое членение», членение *смысла* или «мира», *мира как смыслового горизонта истолкования*). «Артикулирование, членение, — пишет Херрманн, — происходит изначально уже вместе с размыкающим набрасыванием и в размыкающем набрасывании, так что, когда истолкование по-своему артикулирует и позволяет сущему стать понятным в качестве того-то и того-то, смысл как “ввиду-чего” наброска уже артикулирован членением речи»²⁰. Другими словами, ещё *до* того, как мы «истолковывающе» понимаем (интерпретируем) смысл того или иного сущего (знака), ещё *до* всякой нашей интерпретации, нам уже доступен (понятен) смысл *бытия* этого сущего. Второе является условием возможности первого²¹.

«Смысл, — пишет Херрманн, — впервые обретает свое членение не благодаря понимающему истолкованию, но <...> изначальное смысл расчленен уже экзистенциальным способом бытия речи. Будучи первично расчлененным в

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ В «Основных проблемах феноменологии» Хайдеггер подчёркивает, что *понимание* бытия («бытийная понятность») является условием и экзистенциальной предпосылкой любого нашего контакта с сущим: «Мы способны схватывать сущее как такое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие. Не понимай мы, пусть поначалу грубо и без соответствующего понятия, что означает действительность, действительное осталось бы для нас скрытым. Не понимай мы, что означает реальность, реальное было бы недоступным. Не понимай мы, что означает жизнь и жизненность, мы не могли бы отнестись к живому как живому» (Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб. : Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. С. 13). Фактически, дорефлексивная «бытийная понятность» сводится у Хайдеггера к опыту «онтологического различия» (*ontologische Differenz*) между «сущим» и «бытием», которое, опять-таки, следует понимать не как отличие одного предмета нашего внимания («бытие») от другого («сущее»), но как исходный *опыт нередуцируемости* бытия к какому-либо сущему, совокупности всего сущего или даже «сущности» сущего.

речевом членении, смысл затем есть также членимое, артикулируемое для истолковывающего членения. Специфическое членение, присущее истолкованию, предполагает речевое членение смыслового горизонта. Своеобразное членение истолкования — тоже языковой природы, однако не изначально-речевым способом речевого членения, а как истолковывающее членение, будучи фундированным в изначально-речевом членении»²².

Приведённый фрагмент является ключевым для прояснения двухуровневой структуры философии языка в горизонте герменевтической феноменологии. Фундаментальная онтология имеет дело с *речью* как *первичным* (не хронологически, но *онтологически*) понимающим членением «мира». Следует заметить, что «мир» понимается здесь не как совокупность всего сущего, но как *смысловый горизонт* истолкования (то есть вторичного, *истолковывающего*, понимания)²³. Региональная онтология (или философия языка как региональная онтология) имеет дело с *вторичным* истолковывающим членением сущего, с «говорением», с *языком*. Истолкование («истолковывающее членение») производно от *речи* как изначально-речевого членения. «Речь» *всякий раз* уже сделала мир/смысл понятным, *членораздельным* и *заранее доступным* для наших интерпретаций и переинтерпретаций²⁴.

Речь равнозначальна с «расположением» и «пониманием», которые являются сущностными аспектами экзистенции. *Речь* есть сущностный способ бытия Dasein: «Набрасывающее понимание, — отмечает Херрманн, — происходит не до речевого членения, а *вместе с ним*. И наоборот, речевое членение происходит не вслед за набрасывающим пониманием, а в единстве с ним. Наброшенная понятность и до членящего истолкования всегда уже расчленена, ибо в единстве с набрасывающим пониманием происходит членение, речевое членение, *речь* как членение. С этой точки зрения *речь* экзистенциально-онтологически есть экзистенциальный способ бытия экзистенции человека аналогично набрасывающему пониманию и равнозначально с ним»²⁵ (курсив мой. — И. Д.).

«Речь» в горизонте фундаментальной онтологии есть исходная онтологическая структура, структура бытия-в-мире. Из-рекающим себя, в строгом смысле слова, является не какое-то *сущее*, но *само бытие*, *речь* имманентна *бытию*²⁶.

²² Херрманн Фр.-В. фон. Фундаментальная онтология языка. С. 38.

²³ Подробнее об этом см.: Инишев И. Н. Понятие мира в трансцендентальной и герменевтической феноменологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 11. С. 5—10.

²⁴ Подробнее о соотношении понимания и истолкования в горизонте герменевтической феноменологии см.: Дёмин И. В. Проблема соотношения понимания и истолкования в горизонте герменевтической философии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2014. № 1. С. 174—182.

²⁵ Херрманн Фр.-В. фон. Фундаментальная онтология языка. С. 28.

²⁶ В этой связи уместно привести слова М. Мерло-Понти о языке философии: «Она (философия. — И. Д.) является действующим языком, тем языком, который может знать себя только изнутри и благодаря практике, который открыт вещам и призывается голосами молчания, а также продолжает *попытку артикуляции, составляющей бытие всего сущего*»²⁶ (курсив мой. — И. Д.) (Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. Минск : Логвинов, 2006. С. 184—185).

Язык же (или «говорение») — это характеристика не *бытия*, но *сущего* (Dasein, человекоразмерного сущего).

В «Бытии и времени» Хайдеггер формулирует ряд вопросов, которые можно отнести к компетенции *философии языка* в собственном смысле слова, то есть к *региональной онтологии*: «В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть “мертвым”? Что значит онтологически, что язык растет и распадается? У нас есть наука о языке, а бытие сущего, которое она имеет темой, туманно; даже горизонт для исследующего вопроса о нем загорожен»²⁷. К указанным вопросам следовало бы добавить ещё некоторые:

- На каком основании мы можем различать «языковое» и «неязыковое» (или «внеязыковое»)?
- Каковы *основания* и экзистенциально-онтологический *смысл* различения «искусственных» и «естественных» языков?
- Как соотносятся «язык» и «знак», соответственно, «языковое» и «знаковое»?
- Как связаны между собой «история» и «язык» и как возможна «история языка», если «история» (в смысле «рассказа», *Story*) сама всякий раз *укоренена* в языке и «использует» язык?²⁸ и т. д.

Некоторые из указанных вопросов имеют богатую историю, другие же, напротив, практически не затрагивались в философии и языкознании. Важно подчеркнуть, что все эти вопросы являются именно *философскими* (онтологическими), а не *позитивно научными*, они направлены на язык в аспекте его *бытия* и его соотнесённости с человеческим присутствием, а не в аспекте его фактического многообразия, изучаемого в языкознании. Ни один из указанных вопросов не ставится и не рассматривается Херрманном в контексте его «фундаментальной онтологии языка». И это не случайно: задача «фундаментальной онтологии» — экспликация экзистенциально-онтологической *сущности* языка, то есть *речи*, выявление взаимосвязи «речи» с другими структурами экзистенции («расположением» и «пониманием»), а не экспликация *самого языка* в качестве бытийного *региона* (*квазирегиона*) и *среды*, в которой осуществляется истолкование. Последнее — задача философии языка как *региональной онтологии*²⁹.

²⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 166.

²⁸ Проблема «история и язык» была поставлена нами в контексте разграничения предметных областей двух дисциплин — *философии истории* и *философии языка*. См.: Дёмин И. В. К вопросу о соотношении философии истории и философии языка в ситуации лингвистического поворота // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1. С. 6–12.

²⁹ А. В. Бондаренко не вполне удачно именуется эту область философской рефлексии «лингвистической онтологией» или «металингвистикой языка». Под «лингвистической онтологией» автор понимает учение о бытии и сущности языка, теоретическим

Перед «философией языка» Хайдеггер ставит задачу «перенесения науки о языке на онтологически более исходные основания»³⁰. Представляется, что главный вопрос, который должен быть прояснён и разобран в этой связи, — это вопрос об основаниях различения «языкового», «неязыкового» и «внеязыкового». Этот вопрос, в свою очередь, отсылает к вопросу о том, в каком смысле «неязыковое» может быть «внеязыковым» (то есть *быть* «вне языка»)?

Выявление в составе «философии языка» двух уровней (уровня *фундаментальной* онтологии и уровня онтологии *региональной*) коррелирует с различением «философской герменевтики» (Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр и др.) и «герменевтической философии» (М. Хайдеггер, Фр.-В. фон Херрманн), предложенным Г. Шольцем³¹. Если *герменевтическая философия* (феноменология) имеет своей основной «темой» понимающее бытие-в-мире и *речь* как структурный момент понимания (бытия-в-мире, экзистенции), то внимание *философской герменевтики* обращено на производное от «набрасывающего понимания» *истолковывающее понимание* (истолкование, интерпретацию) и *язык* как среду («регион», *квазирегион*), в котором это понимание осуществляется.

Основная заслуга в экспликации двухуровневой структуры философии (онтологии) языка принадлежит М. Хайдеггеру и Фр. фон Херрманну. Аналогичный ход мысли, впрочем, можно обнаружить и в поздних работах М. Мерло-Понти («Видимое и невидимое»).

«Проблема языка, — отмечает Мерло-Понти, — оказывается всего лишь региональной проблемой, если язык рассматривается в совершенно готовом состоянии. <...> Если же, напротив, предметом рассмотрения оказывается говорящий язык (*la parole parlante*), <...> то такой логос является абсолютно универсальной темой, самой темой философии. Тогда и сама философия является языком, покоится на языке; но это не лишает её ни права говорить о языке, ни права говорить о доязыковой деятельности и о немом мире, которые она удваивает»³². Иными словами, темой философии языка как региональной

фундаментом которого должна стать *фундаментальная онтология* (Бондаренко А. В. Лингвистическая онтология от античности до наших дней // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10. С. 18). При этом *истоки* «лингвистической онтологии» Бондаренко усматривает в античной философии (Бондаренко А. В. Онтологическая проблематика в современном языкознании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 5–6). При такой трактовке остаётся непонятным, чем «лингвистическая онтология» отличается от традиционной философии языка. Более удачным представляется предложенное Е. В. Фалёвым понятие «герменевтика языка» (см.: Фалёв Е. В. «Герменевтика языка» в философии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-2(48). С. 191–194).

³⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 165.

³¹ Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es «hermeneutische Philosophie»? // Dilthey-Jahrbuch. 1994. Bd. 8. S. 93-122 (подробнее об этом: Нестеров А. Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара : Самар. гуманит. акад., 2008. С. 98–100).

³² Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпарага. Мн. : Логвинов, 2006. С. 184–185. В статье «Феноменология языка» Мерло-Понти показывает недопустимость переноса в феноменологию (феноменологическую философию язы-

онтологии является «язык ставший», «язык в готовом состоянии», язык как сложившаяся целостность (в этом смысле язык не является всеобъемлющим (фундаментальным) феноменом, но представляет собой именно бытийный *регион* (или *квазирегион*)); темой же фундаментальной онтологии выступает «язык говорящий» (*речь*).

Может ли, однако, «говорящий язык» (речь) вообще быть «темой» философии как фундаментальной онтологии? Ведь «речь» по самой своей природе имеет принципиально *нетематический* (необъективируемый) характер. Как возможна философская (фундаментально-онтологическая) экспликация речи, если сама философия тоже сущностно есть «речь» (одна из производных модификаций речи)? Это один из ключевых методологических вопросов герменевтически ориентированной философии языка. Чтобы ответить на него, необходимо вспомнить, что в контексте герменевтической феноменологии «экспликативный» аспект философской рефлексии неотделим от аспекта «перформативного» (исполнительского и «событийного»), а «фундаментальные феномены», к каковым, несомненно, относится язык как речь, *эксплицируются* ровно в той степени, в которой они *артикулируются*. «Герменевтическая феноменология, — пишет в этой связи И. Инишев, — с самого начала взяла курс на преодоление дистанции между описанием и описываемым, между феноменологией и феноменами, что подразумевает помимо прочего известный “изоморфизм” — если не тождество — процесса *экспликации* феноменов и его *выражения* в языке»³³ (курсив Инишева. — *И. Д.*).

Язык как *язык говорящий* имеет характер первоначального дорефлексивного, дотеоретического опыта. В этом первоначальном опыте «язык» неотделим от «мира». «Медиадно-трансцендентальный характер первоначального опыта, а также его принципиальная нерелексивность с необходимостью ведут к трансформации институционального самосознания феноменологии, понимавшей себя первоначально не только в качестве теоретической *тематизации* этого опыта, но и в качестве его фактического “*раскрытия*”»³⁴ (курсив Инишева. — *И. Д.*).

Язык в исходном (фундаментально-онтологическом) ракурсе (язык как речь) не замкнут на самом себе, язык есть *язык бытия*. Однако и само «бытие сущего» есть не что иное, как артикуляция или «попытка артикуляции» (Мерло-Понти). «Ошибка семантических философий»³⁵, — писал Мерло-Понти, — заключается в том, что они замыкают язык на самом себе, как если бы он только и говорил, что из себя: он же только и жив тишиной»³⁶.

ка) принятого в структурной лингвистике деления на *синхроническую лингвистику речи* и *диахроническую лингвистику языка* и подчёркивает несводимость феноменологии языка ни к одной из этих дисциплин (Мерло-Понти М. Феноменология языка // Логос. 1994. № 6. С. 179—193).

³³ Инишев И. Н. Хайдеггер и философия языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 7/08. С. 86.

³⁴ Там же. С. 95.

³⁵ Под «семантической философией» Мерло-Понти понимает те направления, которые изгоняют из философии языка проблему референции. Речь идёт, прежде всего, о структурной лингвистике Ф. де Соссюра, ставшей одним из главных идейных источников французского постструктурализма.

³⁶ Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. С. 183.

Трактовка языка в горизонте герменевтической феноменологии, последовательное различение речи (как предмета *фундаментальной* онтологии) и языка (как предмета *региональной* онтологии) позволяет избежать двух крайностей и двух типов редукционизма в философии языка. Язык (вопреки редукционизму «постструктуралистской» философии) говорит не «из себя» (как если бы он и был «всем», то есть «миром»), но он (вопреки редукционизму «метафизическому», сводящему язык к *средству выражения* внеязыкового сущего, объектов и/или к *средству общения* субъектов) и не просто озвучивает уже «готовые» до- и внеязыковые сущности или «предустановленные значения». Язык как речь говорит из того первоначального опыта, в котором «язык» и «мир» *нераздельны*, но всё же и *не тождественны*. Подлинное, то есть нередукционистское, понимание соотношения «языка» и «мира» обретается по эту сторону их тождества или различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко А. В. Онтологическая проблематика в современном языкознании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2009. — № 1. — С. 5–12.
2. Бондаренко А. В. Лингвистическая онтология от античности до наших дней // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 10. — С. 15–21.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — Москва : Прогресс, 1984. — 400 с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. — Москва : Либроком, 2013. — 376 с.
5. Дёмин И. В. К вопросу о соотношении философии истории и философии языка в ситуации лингвистического поворота // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2014. № 1. — С. 6–12.
6. Дёмин И. В. Проблема соотношения понимания и истолкования в горизонте герменевтической философии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. — 2014. — № 1. — С. 174–182.
7. Дёмин И. В. Философия истории как региональная онтология. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2012. — 202 с.
8. Дёмин И. В. Соотношение подручного и наличного в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. — 2012. — № 2.1 (93). — С. 5–11.
9. Инишев И. Н. Понятие мира в трансцендентальной и герменевтической феноменологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2007. — № 11. — С. 5–10.
10. Инишев И. Н. Хайдеггер и философия языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 7/08. — С. 62–79.
11. Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. Избранные работы. — Москва : Наука, 1976. — 382 с.
12. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпараги. — Минск : Логвинов, 2006. — 400 с.
13. Мерло-Понти М. Феноменология языка // Логос. — 1994. — № 6. — С. 179–193.
14. Нестеров А. Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2008. — 193 с.

15. *Рашишвили Г. В.* Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания // Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1984. — С. 5–33.
16. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с франц. А. Сухотина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 432 с.
17. *Таллер Р. И., Дёмин И. В.* Проблема соотношения фундаментальной и региональной онтологий в горизонте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. — № 1(9). — С. 182–189.
18. *Фалёв Е. В.* «Герменевтика языка» в философии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10-2 (48). — С. 191–194.
19. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибикина. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 452 с.
20. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. — Санкт-Петербург : Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. — 446 с.
21. *Херрманн Фр. В. фон.* Фундаментальная онтология языка / пер. с нем. И. Н. Инишева. — Минск : ЕГУ : Прописи, 2001. — 168 с.
22. *Scholtz G.* Was ist und seit wann gibt es «hermeneutische Philosophie»? // Dilthey-Jahrbuch. 1994. Bd. 8. — S. 93–122.
23. *Heidegger M.* Sein und Zeit. — Тьbingen, 2001. — 445 S.